

Вадим Абдрашитов,
кинорежиссер, лауреат Государственной премии РСФСР и премии Ленинского комсомола

Не только дискутировать, но и работать

Недавно на страницах «Литературной газеты» появилось интересное выражение — «пенки с проблемы». По-моему, очень точно сказано. Да, мы слишком привыкли к вкусу пенек с различного рода проблем в искусстве, да и в жизни. Мы так часто стали употреблять само это громкое слово «проблема», что по сути утратили его истинный глубокий смысл. Уже много лет мы заняты творческими спорами о том, какие проблемы жизни должны, а какие не могут стать предметом осмысления в современном киноискусстве. Мы прямо-таки в голос раскричались о многочисленных сложностях, которые загромождают порой путь острым лентам на экран. Но поражает и настораживает другое: увлекшись бурными дискуссиями, мы отвлеклись от нашего прямого дела — от кинематографа, от творчества. Забыли о том, что именно своим творчеством мы призваны и обязаны как художники вникать в проблемы жизни и отвечать на все спорные вопросы.

Хочу, чтобы меня здесь правильно поняли. Я ратую не за то, чтобы кинематографисты с новой силой энтузиазма стали предлагать в своих картинах решение сложных жизненных ситуаций, с которыми нас сегодня призывают бороться партия и само время. Суть не в том. Удел искусства — быть не прокурором или администратором, а уметь увидеть, прочувствовать и художественно заострить проблему, действительно назревшую в жизни.

Меня всегда коробят и удивляют обвинения, нередко звучащие в адрес картин, в которых якобы не расставлены точки над *i*, где не ясно, кто, дескать, плохой, кто хороший. До сих пор остается для многих зрителей и критиков неразрешенным вопрос, чью же позицию защищают авторы в фильме «Остановился поезд». За кого мы с А. Миндадзе — за следователя Ермакова или за журналиста Малинина? Нас спрашивают и так — что же в итоге за люди показаны в картине «Парад планет», как к ним относиться? Я не собираюсь сейчас кичиться, отставая свою так называемую творческую неразгаданность, особенную незавершенность оценок и чувств. Нет. Но повторяю: я в принципе считаю, что, отражая жизнь, искусство призвано отражать не только факты, но и сложности, показывать мир в движении, в противоречивых проявлениях. Кстати, именно этот взгляд на современность так дорог мне в драматургии Миндадзе.

Смешно думать, что за полтора часа экранного времени может быть разрешена серьезная проблема жизни. Если же в кино предлагается какое-то решение, значит, проблемы в действительности нет. Ведь если бы я знал как автор картины, что нужно сделать, чтобы какое-то строительство шло хорошо, я бы не стал об этом снимать кино. Я бы просто написал в соответствующие учреждения и высказал свои соображения. Если они специалистам могут показаться разумными, вероятно, к ним прислушаются. Но при чем здесь искусство?

Авторская позиция в искусстве выражается не в том, чтобы пальцем показать — это черное, а это белое. Позиция автора проявляется и ощущается в ином — в степени вовлеченности режиссера или драматурга в то, о чем они говорят языком кино. А это всегда видно! Я смотрю картины как зритель и всегда могу сказать, такой-то фильм сделан потом и кровью, здесь проблема действительно прошла через душу создателей, а в другой ленте этого нет и быть не может. Потому что все сконструировано, потому что кто-то просто взял заданную тему и бесстрастно отснял, отработал по ней фильм. И потому я вновь говорю, что самое важное для художника — искать свое, истинное в жизни и, значит, в искусстве. Делать то, что нам, именно нам подсказывает снимать наше время, наша реальная жизнь. А время всегда подсказывает точно.

И не стоит, по-моему, преувеличивать опасность всевозможных осложнений. Посмотрим на вещи трезво. Да, судьба публицистического фильма, как правило, не складывается гладко, не всё, далеко не всё идет как по маслу. Да, слишком сильна еще инерция восприятия острых тем. К сожалению, прижилось в сознании отдельных лиц, без всяких на то указаний, мнение, что если некая проблема, существующая в жизни, становится достоянием экрана или вообще искусства, то она словно бы удвигается, вырастает в размерах. Поэтому, чтобы на ней не фиксироваться, лучше вообще ее не показывать. Собственно, далеко и за примерами ходить не надо.

О перегибах в отношении борьбы с алкоголизмом, которые тут же дали себя знать, в частности в программах телевидения, уже писала наша пресса. Стеснительные редакторы, убрав с экрана, вырезав из старых фильмов изображение бутылки, вероятно, решили, что таким образом сняли и саму проблему с повестки дня. Если бы так!

Я как раз не стремлюсь упрощать задачу. Задачи искусства всегда были сложны, но не надо, вероятно, тем, кому они не по плечу, переваливать все сложности только на счет творческих сфер. Давайте будем честными до конца. Давайте и на сайте посмотрим объективно. Всегда ли так оправданы наши претензии к редакции и организации творческого дела? В любом случае функции редактора не подменяют работу автора. Проблема, отраженная в кино, должна быть прежде всего убедительно сделана с точки зрения художественного качества. И задача для художника остается той же — люди, перенесенные из жизни на бумагу

или на экран, должны быть живые, настоящие. И еще. Творчество требует не только эмоциональной отдачи, но и огромного терпения. Так что не стоит впадать в панику и уныние при первых же столкновениях с жизненными сложностями, при первой реакции на творческий замысел. Нужно помнить, что любая новация и в жизни, и в искусстве рождается в муках, в борениях. Это естественно. А искусство своей сутью призвано быть впереди. И я уверен, если новое — мысль, идея, взгляд на проблему — жизнеспособно в реальности, оно будет жизнеспособно и воплощенным в искусстве. Конечно, бывают исключения... Но все-таки убежден, настоящее в искусстве не погибает. И потому прекрасные фильмы «Проверка на дорогах» А. Германа и «Чучело» Р. Быкова, несмотря на трудности, вышли на экраны.

Пусть не подумает кто-то, что моя убежденность объясняется тем, что нам с Миндадзе всегда было легко, что мы не натыкались на рифы. Нет, мы не баловни судьбы, скорее наоборот. Большинство не позавидуют нашему пути. Но для подтверждения своей позиции могу сказать лишь то, что при работе над картиной мы меньше всего думали о трудностях ее прохождения. Мы всегда старались поставленные в фильме задачи достойно решать именно с позиции искусства. Думали, правильно ли сделан эпизод, точно ли выражают замысел актеры и т. п. Думаем об этом и сейчас, в период работы над новой картиной «Опасная игра», которая посвящена проблемам воспитания. Да, сегодня нас волнует судьба, психология подрастающего поколения, потому что в нем наше будущее, наше продолжение и, увы, наше отражение. Лента будет отличаться от всех наших прежних фильмов, потому что в центре ее образ пятнадцатилетнего героя, человека трудного возраста. Сама тема требует особого, четкого киноязыка, ведь на детях все человеческие проявления видны отчетливее, графичнее. Это фильм об ответственности. Во всяком случае, он должен заострить внимание на том, что старшие поколения нередко стремятся неоправданно отстраненно взирать на новую генерацию, на ее недостатки. Мы порой готовы скорее осудить детей, чем увидеть и осознать в их поведении и характерах проявления собственных черт.

Особые слова мне хочется адресовать сегодня моим молодым коллегам, тем, кто только начинает свою жизнь в творчестве. Хочу сказать им — начинайте ее достойно! Увы, именно позиция молодых кинематографистов вызывает наиболее тревожное чувство. Возможно, в этом нужно в первую голову винить старшее поколение. Но слишком уж рано наши дебютанты начинают усваивать какую-то бойцовскую интонацию в спорах, в творческих обсуждениях, но только не в искусстве.

Хорошо, когда молодые художники с юной брызжущей энергией бросаются перестраивать мир, выражая свою смелость через творчество. Как говорится, дерзайте, отстаивайте свое, ошибайтесь, но стремитесь к высокой цели. Увы! Для многих наших молодых главной целью становятся вполне конкретные жизненные блага, достигнуть которых они стремятся, халтурно отработывая в творчестве. Тем не менее все чаще стали звучать голоса, что-де молодых зажимают, не дают начинающим творческой свободы, не дают режиссерам постановок и т. д. Да помилуйте! Те из молодых, кто действительно способен работать, не кричат, а работают.

Как член Государственной экзаменационной комиссии ВГИКа я просматриваю каждый год большое число дипломных и курсовых работ студентов режиссерского факультета. И должен сознаться, впечатление более чем удручающее. О каком зажиме здесь может идти речь! Студия ВГИКа — это единственная студия в стране, где начинающие кинематографисты могут делать все, что пожелают. Так покажите себя! Но даже при таких безграничных возможностях организации творческого процесса и при наличии молодого темперамента результат получается, к сожалению, слабый и примитивный по мысли и чувству. Радующие душу и глаз работы встречаются редко, такие я видел, например, у выпускников мастерской Марлена Хуциева. А из общей серой массы студентов потом и выходят несостоявшиеся как художники, но вполне созревшие как «борцы» за свои права кинематографисты. Они не ждут, не ищут своего, понятного и близкого им материала, а хватаются за первое попавшееся предложение — магия слова «постановка» буквально затуманивает сознание начинающих режиссеров. И результат известен — в скороспелых работах молодые, как правило, дискредитируют и себя, и искусство. А ведь биография у художника только одна, и каждый создает ее своими руками.

Очень пессимистичным, вероятно, получилось мое выступление, а так хотелось сказать о чем-то позитивном. Уверен, его специально искать не надо. Оно есть. Это само наше искусство. По-моему, истинное творчество в любом случае позитивно, потому что оно созидательно, потому что рождает собой новые идеи и чувства. И во все даже самые сложные периоды времени жизнь духа остается созидательной. Так что будем работать, рассказывать о жизни, о ее противоречиях и открытиях. И главное, будем стремиться, чтобы наши фильмы становились отражением подлинных наших переживаний и дум о человеке. А иначе, мне кажется, и не стоит приходить в искусство.